

УДК 726.03

ББК 85.113(2)1

DOI 10.18688/aa2313-3-25

Е. В. Ходаковский

Деревянное храмостроительство Русского Севера Петровской эпохи¹

Изучение искусства и архитектуры петровского времени всегда представляет собой актуальную задачу. Обычно эта эпоха анализировалась в аспекте тех глобальных сдвигов, которые волей Петра Великого произошли во всех сферах русской жизни в первой четверти XVIII в. «Окно в Европу», застройка Петербурга, приглашение иностранных зодчих, живописцев и скульпторов, отправка русских учеников за границу — все это обозначило известный и детально проработанный в историографии «западный вектор» развития отечественной художественной культуры. Не оспаривая его очевидных последствий для столичного искусства, необходимо раскрыть вопрос о глубине и широте воздействия петровских преобразований на архитектуру Русского Севера, внезапно оказавшегося в центре масштабных инфраструктурных инициатив царя-реформатора, среди которых — «Осударева дорога», основание заводов в Олонецком уезде, сооружение Лодейнопольских верфей, прокладка Ладожского канала, и, конечно, строительство Санкт-Петербурга, коренным образом изменившего роль старых северных городов — Архангельска, Холмогор, Великого Устюга, Каргополя. Серьезные социальные последствия, вызванные миграционными процессами и привлечением северных крестьян к работам в Петербурге, на Петровских заводах и в Лодейном Поле, их знакомство с новыми подходами и технологиями должны были в той или иной степени отразиться на самом традиционном и консервативном сегменте русского зодчества — деревянной церковной архитектуре, представлявшей собой явление массовое, глубоко укоренённое и практически не подвергавшееся регламентации. В этой связи целью настоящего исследования и станет оценка характера и масштабов изменений, произошедших в северном деревянном храмостроительстве петровского времени. Для достижения этой цели необходимо обозначить три основных проблемных ракурса: во-первых, представить типологическую характеристику и дать оценку художественному своеобразию деревянного церковного зодчества Русского Севера первой четверти XVIII в.; во-вторых, на их фоне выделить те сооружения, где Петр Первый выступил как непосредственный заказчик и строитель; в-третьих, на основании анализа произведений деревянной архитектуры петровского времени ответить на вопрос об их разрыве с традицией или, наоборот, её сохранении.

Первый проблемный ракурс предполагает рассмотрение памятников деревянной церковной архитектуры первой четверти XVIII в., то есть, появившихся на фоне пе-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-48-04402 «Святые и герои: от христианизации к национализму. Символ, образ, память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)»).

тровских преобразований. Однако эти постройки разворачивают самую широкую и вполне традиционную типологию, которая была характерна для северного храмостроительства предшествующего XVII столетия. По-прежнему, несмотря на ограничения, возводятся церкви с шатровым завершением, как например, Крестовоздвиженская в Шелексе (1708) и Покрова Богородицы в Покровском (1708), Успения в Космозере (1720), Преображения в Воезере (1720). В Каргополье получают дальнейшее распространение характерные для этого региона храмы с бочечным и кубоватым завершением, причём наиболее известные и хрестоматийные постройки, увенчанные бочкой, относятся именно к петровской эпохе — это церкви в Елгомской (1714) и Ямецкой Благовещенской (1719–1725) пустынях. О сохранении в первой четверти XVIII столетия кубоватого завершения как одного из характерных признаков каргопольского деревянного зодчества середины XVII–XVIII вв. свидетельствуют церкви Св. Архистратига Михаила Архангельского погоста (1713–1715) и Св. Троицы Пабережского прихода (1724). По-прежнему сооружаются и храмы с архаической клинчатой кровлей, как, например, в Канакшанском приходе того же Каргопольского уезда, где в 1705 г. была поставлена Троицкая церковь «деревянная, холодная, крестообразная, трех с половиною сажень с клинчатым шатром, одноглавая, при ней трапеца теплая с приделом» [12, с. 283].

Те выдающиеся сооружения петровской эпохи, которые можно назвать беспрецедентными, все равно являют собой примеры вариаций и развития традиционных объёмно-пространственных или планировочных решений. Знаменитые храмы Обонежья начала XVIII в. — Покрова Вытегорского погоста (1708) и Преображения Кижского погоста (1714) — безусловно, стали одними из наиболее ярких свершений в многовековой истории русского деревянного зодчества, а их своеобразная «пассионарность», воплощенная в пульсирующих волнах главок и бочек, словно отражает напряжение духовных сил русского народа в период петровских преобразований. Недаром оба храма впоследствии напрямую связывались с именем Петра Первого и его неоднократными пребываниями в Обонежье, хотя документально участие царя в формировании композиционного замысла церквей Вытегорского и Кижского погоста нигде не подтверждено. Так, в материалах середины XIX в. лишь со ссылкой на «народную молву» упомянуто, что «Вытегорская Покровская церковь и по наружному своему виду, и по времени построения есть замечательный христианский памятник петровской старины в Вытегорском уезде. Народное предание говорит, что она построена по плану и рисунку Петра I»². Однако планы как Вытегорской Покровской, так и Кижской Преображенской церквей, представляют собой вполне традиционный «двадцатистенок», известный, как минимум, ещё с конца XV в. по тексту знаменитой Устюжской легенды. В 1490 г. после пожара, в котором сгорел Успенский собор в Устюге, великий князь Иван III повелел епископу Тихону поставить такой же, «и послал владыко мастера Алексея Вологжанина с своим дяком с Иваном с Вискуном после Покрова 2 недели спустя, и он церковь заложил не по старине кресьчату и срубил до шти рядов да и в Ростов поехал; а устюжанам тот оклад стал не люб, и хотели бить челом вел. князю, и владыка не велел, а ялся церковь поставить по старине, и прислал Алексея да 60 человек рубленников, и препроводили епископли крестьяне из Шейбохты лес и бересту, и заложили круглу по старине о 20 стенах» [7, с. 99]. Одним из первых истолковал эту планировочную

² Научный архив КарНЦ. Р. VIII. Оп. 1. Д. 16. Сведения о монастырях и церквях Олонецкой губернии за 1840–1843 гг. Л. 55.

конфигурацию В. В. Суслов: «В летописях под словом «круглу» надо подразумевать граненую (*форму*), так как, с одной стороны, из дерева трудно сделать круг <...> По всем вероятностям, это был в основе восьмиугольник с четырьмя прирубями (20 стен)» [13, с. 176]. О широком распространении «двадцатистенков» в строительной практике до и после эпохи Петра I можно судить по таким памятникам, как церкви Воскресения Селецкого прихода (1673), Рождества Богородицы Заостровского прихода (1726) и Св. Троицы в Нёноксе (1727–1729), Рождества Богородицы в Бестужевской (1763). Многоглавая симфония вытегорской и кижской церквей также продолжает давнюю практику, восходящей едва ли ни к тринадцатиглавному Софийскому собору конца X в. в Новгороде: «В лета 6497 (989) постави владыка Иаким церковь деревянную святую Софию, имуще верхов 13, и стояла 60 лет. И поднелась церковь святая София от (о)гня, месяца марта в 4, в суботный день, бывше честно устроена и украшена» [10, с. 2]. Особо подчёркнутое летописцем многоглавие сторевшего многоглавого храма подтверждают изначально присущее древнерусским плотникам мастерство в создании сложных композиций, бережно сохраненное вплоть до рубежа XVII–XVIII вв. Воплощением давней традиции средневекового деревянного соборного зодчества стал знаменитый Воскресенский собор в Коле (1684), который в 1711 г. описывается следующим образом: «В Кольском остроге соборная церковь Воскресения Христова деревянная крестовая. По правую сторону тое церкви предел Николая Чудотворца, а по левую сторону предел Георгия Великомученика. А те церкви и олтари покрыты чешуею. А на тех церквах девятнадцать глав. А кругом тое церкви с трех сторон паперть покрыта тесом»³. Трёхпридельный девятнадцатиглавый «крестовый» собор в Коле, окруженный папертью с трех сторон, можно рассматривать в качестве предшественника Покровской церкви Вытегорского погоста, где паперть, охватывавшая основной объём с трёх сторон, также придавала монолитный и цельный характер трёхпридельному крещатому в плане многоглавому храму. Что касается ярусного характера композиции церкви Покрова то она, с одной стороны, может восходить к Петропавловскому собору (1703) при Петровском заводе, поставленном всего за пять лет до появления церкви в Вытегорском погосте и, теоретически, успевшем занять роль своеобразного архитектурного ориентира. Тем не менее, ярусные церкви конца 1690-х гг. (Св. Иоанна Предтечи в Ширкове Погосте или Св. Пророка Илии в Белозерске) демонстрируют не только самые широкие возможности русских древоделов возводить сложнейшие в техническом отношении высотные ступенчатые постройки, но и соответствуют общему эстетическому запросу, который сформировался в каменном и деревянном храмостроительстве рубежа XVII–XVIII вв. (церкви Спаса Нерукотворного в селе Уборы, Покрова в Филях, Знамения в Дубровицах, Св. Архангела Гавриила в Москве — «Меншикова башня», Петропавловский собор при Петровском заводе). Таким образом, ярусная центрическая композиция церквей Вытегорского и Кижского погостов, может быть рассмотрена в самом широком контексте русской архитектуры рубежа XVII–XVIII вв., а не в прямой связи с волеизъявлением Петра Первого в отношении облика этих построек.

Второй актуальный проблемный ракурс связан с теми храмами, в строительстве которых Петр, владевший плотницким искусством, участвовал лично или же проявлял к ним самый пристальный интерес. 29 июня 1702 г., в день памяти Свв. Апостолов Петра и

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 333. Переписная в Кольском остроге и в уезде оного церквам и монастырям и в них святым иконам и прочему. 1711 г. Л. 1.

Павла, царь присутствовал на освящении Петропавловской церкви в Новодвинской крепости. В. Верюжский приводит сведения о том, что «постройка была производима на казенные деньги. Над украшением церкви трудились московские мастера (из солдат) вместе с местными — двинскими (архиерейский сын боярский Иван Погорельский др. иконники); резную работу исполнял немец» [4, с. 564]. Храм сгорел в 1877 г., однако многочисленные документы, касавшиеся содержания Новодвинской крепости, позволяют оценить архитектуру Петропавловской церкви как абсолютно новаторскую за счёт несвойственной северному деревянному зодчеству высокой башни-маяка, поставленной над основным объёмом. Хотя башня имела восьмигранную форму, её пропорциональный строй и само размещение никак не могут быть соотнесены с обычным устройством основного храмового столпа «восьмериком на четверике». Вертикаль башни Петропавловского храма, контрастирующая с распластанными и расходящимися в разные стороны бастионами Новодвинской крепости, вполне могла послужить прототипом первого деревянного Петропавловского собора в Санкт-Петербурге, заложенного ровно через год, 29 июня 1703 г.

Спустя полтора месяца после закладки храма в Новодвинской крепости Петр принял участие в устройстве алтаря при часовне на Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага, где царь со свитой находился с 10 по 16 августа 1702 г. Сама часовня, возведенная стрельцами во время Соловецкого сидения 1668–1676 гг., воспроизводит характерный для центральной России тип постройки под четырёхскатной кровлей, увенчанной небольшим восьмериком основанием для главки. Её ближайшим аналогом может послужить Никольская церковь (1690) в подмосковном селе Васильевское, поэтому в данном случае вмешательство Петра в строительную историю соловецкой Андреевской церкви почти не повлияло на её облик, традиционный для русского деревянного зодчества конца XVII в. Однако здесь необходимо обратить внимание, что алтарь Андреевской церкви сложен из брусьев вместо бревен, обычных для практики северного храмостроительства. Брусяные постройки вскоре станут характерным явлением для деревянной архитектуры Петербурга начала XVIII в. (известной, прежде всего, благодаря сохранившемуся дворцу Петра на Петербургской стороне). Непосредственное участие царя в возведении тех или иных деревянных сооружений почти всегда связано именно с использованием брусьев, что может быть объяснено также общим «духом реформ» и вестернизацией в сфере плотницких технологий. Тем не менее, брусяные постройки на Русском Севере на общем фоне оставались исключениями, и все они в той или иной степени были связаны с деятельностью Петра — это церкви 1702 г. в Новодвинской крепости и на Заяцком острове, Петропавловский собор при Петровском заводе 1703 г. и освященный в 1721 г. Петровский храм в Марциальных Водах. Интересно, что церковь в Вавчуге при знаменитой на Севере верфи братьев Бажениных, к которым Петр особенно благоволил, также была брусяной, что подтверждает опись 1711 г.: «В Двинском уезде в Вавчужской деревне гостиной сотни Осипа и Федора Андреевых, детей Бажениных в почине их старая ветхая церковь Иоанна Предтечи о пяти верхах с трапезою, кровля тесовая розвалилась и трапеза и паперть розвалилась <...> Другая церковь и трапеза холодная новая... промеж ними одна стена с летнюю сторону под одной кровлей во имя Иоанна Предтечи... рублена из брусьев, алтарь круглый»⁴.

⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 353. Описные Архангельского монастыря и Козьмеручьевской пустыни и около посадных волостей церквей и в них утвари переписи кормовщика Ивана Соловинова. 1711 г. Л. 126.

С основанием Петербурга основное внимание Петра было перенесено с двинских и беломорских берегов на Балтику и онежско-ладожское Межозерье. Как уже упомянуто выше, в 1703 г. был поставлен Петропавловский собор при Петровском заводе. По сведениям Императорской Археологической комиссии, собор «построен по распоряжению императора Петра I князем Меньшиковым и Чеглоковым [Чоглоковым]» [5, с. 159]. За два столетия своего существования храм неоднократно ремонтировался и поновлялся, а в 1924 г. был утрачен в пожаре. Подобно храму в Новодвинской крепости, собор в Петрозаводске первоначально завершался маяком и имел ярко выраженную вертикальную композицию. Как и в других «петровских» постройках, «стены церкви сделаны были из толстых обтесанных брусьев»⁵, поэтому Ю. Н. Беспятых и Г. М. Коваленко приводят второе название Петропавловской соборной церкви — «Новомагнерной», поскольку по своему характеру она отличалась от традиционного храмового зодчества Русского Севера [1, с. 72–73]. Одновременно нельзя не обратить внимание и на авторитетное мнение Н. В. Султанова, считавшего, что «храм этот представляет собой весьма любопытные данные для истории русского зодчества, ибо, несмотря на свой высокий шпиль, классические колонны, карнизы с фронтонами и тому подобные прикрасы западной архитектуры, он по своей общей форме повторяет основной приём наших деревянных церквей XVII столетия. Подобные памятники свидетельствуют, несомненно, что новая Петровская архитектура привилась у нас не сразу, и что между нею и Московским зодчеством стоит целый ряд переходных форм»⁶.

Последним северным храмом, который в полной мере можно назвать детищем Петра Первого, стала церковь Св. Апостола Петра при Марциальных Водах. Её очень трудно соотнести с традициями русского деревянного зодчества, поскольку формы церкви полностью привнесены извне. Отчасти это можно объяснить ключевой ролью в её сооружении инженера В. Геннина, ещё в 1697 г. сообщавшего о своей квалификации зодчего: «...с юности своей научен и ныне основательно разумею архитектуру гражданскую, домов строение» [8, с. 62]. Поздние источники подтверждают участие В. Геннина в возведении храма: «Церковь при Марциальных водах деревянная, брусаяная — с усечёнными, кроме западной стены, углами, расположением крестообразная, с надстроенной над притвором или входом колокольной. Главным строителем и распорядителем работ по постройке Марциальноводской церкви, по словам летописи оной, был Полковник Геннин»⁷. Хотя Л. И. Капуста пишет, что «план церкви был предложен царем, строительством руководил ландрат Муравьев» [6, с. 95], Петровская церковь в Марциальных Водах остается исключительной по своему характеру деревянной храмовой постройкой на Русском Севере. Использование брусьев и наличие больших трапециевидных окон с мелкой расстекловкой больше характерно для протестантских церквей Северной Европы, в частности, Швеции, и на её финских территориях (например, в Кеуру). Иначе расставлены и композиционные акценты: крещатый план храма в Марциальных Водах отличается от крещатых русских деревянных церквей XVII в.,

⁵ НА РГО. Р. 25. Оп. 1. Д. 26. *Нечаев А.* Сведения о Петропавловской в городе Петрозаводске церкви. Л. 6 об.

⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1910. 1. Д. 140. О реставрации и ремонте Петропавловского кафедрального собора в городе Петрозаводске Олонецкой губернии. 1888–1910 гг. Л. 13 об.; *См. также:* Научный архив КарНЦ. Р. VIII. Оп. 1. Д. 12. Дело об исправлении Петрозаводского кафедрального собора. 1882–1889 гг. Л. 7–7 об.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Р-III. 4214. Метрика № 8. Л. 1 об.

в большинстве своем тяготеющих к центрической композиции «греческого креста». Также обращает на себя внимание свойственное европейской архитектуре усиление роли колокольни над западной частью при одновременном снижении значения основного храмового столпа, который в северных храмах обычно доминирует по высоте (даже в клетских храмах) и представляет собой отдельный сруб или поставленные друг на друга объёмы.

Третий проблемный ракурс, связанный с архитектурой петровской эпохи, касается рассмотрения степени её воздействия на северное деревянное храмостроительство XVIII в. Дальнейший ход его развития показывает, что это влияние петровских преобразований никак не прослеживается в последующих памятниках. Успенский собор в Кемь (1711–1717), церкви Троицы в Нёноксе (1727–1729), Рождества Богородицы в Заостровье (1726–1728) и Кузаранде (1761), Успения в Кондопоге (1774), Св. Дмитрия Солунского в Верхней Уфтюге (1784) Благовещения в Турчасове (1795), Архангела Михаила в Пудоже (1801) свидетельствуют об устойчивой традиции возведения храмов с шатровым завершением вплоть до рубежа XVIII–XIX вв., на которую не смогли повлиять ни петровские реформы, ни регламентация со стороны церковных иерархов. Действительно, анализ текстов известных храмозданных грамот конца XVII – первой четверти XVIII вв. показывает, что со стороны высшего духовенства вмешательство в архитектурное формотворчество было минимальным и ограничивалось, главным образом, только стандартными запрещениями устраивать «верх шатровый» и предписаниями рубить «круглые», а не «четвероугольные» алтари. По всей вероятности, даже при угрозе распространения раскола в северных епархиях, церковные иерархи считали эти указания вполне достаточной мерой. Однако сами постройки XVIII в. демонстрируют, что и запреты на устройство шатров тоже в итоге не возымели своего решающего воздействия. Свобода, которая была предоставлена крестьянскому миру при строительстве приходских храмов, может быть объяснена и сложным периодом в истории самой русской церкви, положение которой С. М. Соловьев описывал следующим образом: «с одной стороны, раскол, с другой — наплыв иностранцев-иноверцев, протестантская и католическая пропаганда, и в то же время новые требования гражданского правительства и переворот в высшем управлении» [11, с. 527]. Кроме того, сильные позиции старообрядцев по всему Русскому Северу — в Заонежье, Каргополье, на Карельском берегу, на Печоре и Северной Двине — формировали идеологические центры, тяготевшие к «старине». Наиболее зримые изменения, обозначившиеся в деревянной церковной архитектуре XVIII в., могут быть объяснены общим постепенным и последовательным влиянием каменной архитектуры барокко и новым пониманием формы. Оно приводило как к усложнению и дроблению объёмной композиции (особенно, в ярусных церквях), так и стремлению раскрыть художественный потенциал внутреннего пространства за счёт отказа от прежних низких плоских потолков. В памятниках петровского времени эта тенденция проявилась в церкви Свв. Петра и Павла в Ратонаволоке (1722), получив затем развитие в храмах «Вельской группы» середины – второй половины XVIII в. — (церкви в Возгрецовской, Никифорове, Григоровской, Козловской, Литвинове, Вельске) [3, с. 239–259]. Однако на Севере храмы, подверженные стилевому воздействию, вплоть до конца XVIII столетия так и не получили широкого распространения, оставаясь исключениями на фоне традиционной храмостроительной практики.

Представленный анализ деревянной архитектуры Русского Севера Петровской эпохи и последующих десятилетий показал, что преобразования царя-реформатора практически не нашли отражения в образном строе и композиции подавляющего большинства церквей, которые были возведены в северных губерниях на протяжении XVIII столетия. Непосредственное участие Петра Первого в строительстве оказало влияние на «иноземный» характер только двух храмов: в Новодвинской крепости и в Марциальных Водах. Облик других построек, которые обычно ассоциируются с Петром Первым — церковью Вытегорского и Кижского погостов и Св. Андрея Первозванного на Соловках — обусловлен самим характером исторического развития русской архитектуры второй половины XVII – начала XVIII в. Особое место среди памятников того времени занимает Петропавловский собор в Петрозаводске, обстоятельства появления которого, с одной стороны, связаны с личным присутствием Петра в Обонежье; с другой — здесь можно говорить об опосредованном проявлении общей тенденции в архитектуре петровского времени, воплотившейся в ярусных башнеобразных храмах Москвы и Подмосковья.

Устойчивость храмостроительных традиций в памятниках XVIII в. свидетельствует о продолжавшейся древнерусской инерции, оказавшейся неподвластной даже мощной энергии петровской эпохи, что впоследствии позволило И. Я. Билибину подвести следующий лаконичный итог его поездок по Северу: «эпоха Екатерины Второй для тех мест вряд ли отличалась многим от времен Тишайшего царя» [2, с. 615]. Но даже те изменения, которые все же происходили в деревянной архитектуре середины – второй половины XVIII в., были связаны не с петровскими преобразованиями, а общими процессами, определившими характер зодчества России того времени и укорененными в постепенном распространении барокко через архитектуру каменных церквей в губернских и уездных городах. Эти влияния также носили локальный характер, в то время как общая тенденция развития северного храмостроительства по-прежнему демонстрировала консервативность и последовательность.

Решающее воздействие на судьбу деревянного храмового зодчества в России оказал не Петр Великий, а Павел I, издавший 25 декабря 1800 г. указ «генерально по всем Епархиям, если где деревянная церковь сторит, не позволять строить новой деревянной» [9, с. 483]. Таким образом, именно его запрет на два поколения изменил многовековой ход развития плотницких традиций, после чего с 1830-х гг., в условиях регламентаций николаевской эпохи, возобновление деревянного храмостроительства последовало уже по совершенно другому пути.

Литература

1. *Беспярых Ю. Н., Коваленко Г. М.* Карелия при Петре I. — Петрозаводск: Карелия, 1988. — 142 с.
2. *Билибин И. Я.* Остатки искусства в русской деревне // Журнал для всех. — 1904. — № 10. — С. 608–618.
3. *Бодэ А. Б.* Деревянные церкви в окрестностях Вельска // Деревянное зодчество. Вып. III: Новые материалы и открытия. — М.; СПб.: Коло, 2013. — С. 239–259.
4. *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогор. епархии за первые 20 лет ее существования и вообще рус. церкви в конце XVII в. — СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1908. — 683 с.
5. Известия ИАК. Вып. 57. — Пг.: Типография Главного управления уделов, 1915. — 198 с.
6. *Капуста Л.И.* Первый российский курорт Марциальные Воды. — Петрозаводск: Периодика (Periodika), 2019. — 127 с.

7. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2: Т. 5–8. — СПб.: издание И. Эйнерлинга, 1842. — [9] с., [1232] стб.
8. Красавцев Н. И., Сировский И. А. Очерки по металлургии чугуна. — М.: Изд-во и тип. Металлургиздата, 1947. — 492 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. XXVI. — СПб.: Тип. II Отд.-я Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 879 с.
10. Полное собрание русских летописей. Новгородские летописи. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1879. — 113 с.
11. Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VIII. — М.: Мысль, 1993. — 639 с.
12. Старицын А. Н. Уникальный источник по истории сельских приходов Каргопольского уезда // Вестник церковной истории. — 2011. — № 3–4. — С. 261–308.
13. Сулов В. В. Исторический обзор древнего деревянного дела на Руси. Материалы для истории русского искусства / Сост. А. А. Шаханова, Е. В. Ходаковский. — СПб.: Научно-исследовательский музей при Российской Академии художеств, 2021. — 352 с.

Название статьи. Деревянное храмостроительство Русского Севера Петровской эпохи

Сведения об авторе. Ходаковский, Евгений Валентинович — доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой истории русского искусства. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034; E.Khodakovsky@spbu.ru; SPIN-код: 8742-2682; ORCID: 0000-0003-1800-327X

Аннотация. Статья представляет обзор деревянного церковного строительства на Русском Севере в эпоху Петра I. Исследуются как памятники, построенные при личном участии или под наблюдением царя-реформатора, так и наиболее значимые в художественном и историческом отношении северные храмы первой четверти XVIII в. Анализ деревянной архитектуры Русского Севера петровской эпохи и последующих десятилетий показал, что преобразования Петра I практически не нашли отражения в образном строе и композиции подавляющего большинства церквей, которые были возведены в северных губерниях на протяжении XVIII в. Непосредственное участие Петра Первого в строительстве оказало влияние на «иноземный» характер только двух храмов: в Новодвинской крепости и в Марциальных Водах. Облик других построек, которые обычно ассоциируются с Петром Первым — Петропавловского собора в Петрозаводске, церковей Вытегорского и Кижского погостов и Св. Андрея Первозванного на Соловках — обусловлен самим характером исторического развития русской архитектуры второй половины XVII – начала XVIII в. Устойчивость храмостроительных традиций в памятниках XVIII в. свидетельствует о продолжавшейся древнерусской инерции, оказавшейся неподвластной даже мощной энергии петровской эпохи. Но даже те изменения, которые все же происходили в деревянной архитектуре середины – второй половины XVIII в., были связаны не с петровскими преобразованиями, а общими процессами, определившими характер зодчества России того времени и укорененными в постепенном распространении барокко через архитектуру каменных церквей в губернских и уездных городах. Эти влияния также носили локальный характер, в то время как общая тенденция развития северного храмостроительства по-прежнему демонстрировала консервативность и последовательность.

Решающее воздействие на судьбу деревянного храмового зодчества в России оказал не Петр Великий, а Павел I, издавший 25 декабря 1800 г. указ, не позволявший строить деревянные приходские церкви. Таким образом, именно его запрет на два поколения

изменил многовековой ход развития плотницких традиций, после чего с 1830-х гг. в условиях регламентаций николаевской эпохи, возобновление деревянного храмостроительства последовало уже по совершенно другому пути.

Ключевые слова: Русский Север, деревянная архитектура, Петр Первый, Карелия, Кижы, Петрозаводск, петровское барокко

Title. Wooden Church Architecture of the Russian North in the Petrine Epoch⁸

Author. Khodakovsky, Evgeny V. — full doctor, head of the Department of Russian Art History. Saint Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation; E.Khodakovsky@spbu.ru; SPIN-code: 8742-2682; ORCID: 0000-0003-1800-327X

Abstract. The article presents an overview of wooden church construction in the Russian North during the reign of Peter I. The research includes both the monuments built with the personal participation or under the supervision of the tsar, and the most artistically and historically significant northern churches of the first quarter of the 18th century. The analysis of the wooden architecture of the Russian North of the Petrine era and subsequent decades showed that the Petrine transformations were practically not reflected in the structure and composition of most of the churches that were built in the northern provinces during the 18th century. The direct participation of Peter the Great in the construction had an impact on the “foreign” character of only two churches: in the Novodvinsk fortress and in Martzialnye Vody. The appearance of other buildings that are usually associated with Peter the Great — the Peter and Paul Cathedral in Petrozavodsk, the churches of the Vytegorsky and Kizhi churchyards, and the Church of St. Andrew (Solovki) — is due to the very nature of the historical development of Russian architecture in the second half of the 17th – early 18th centuries. The stability of church-building traditions in the monuments of the 18th century testifies to the persistence of Old Russian inertia, which proved to be beyond the control of the powerful energy of the Petrine era. But even the changes that nevertheless took place in the wooden architecture of the middle – second half of the 18th century, were not associated with Peter’s transformations, but with general processes that determined the nature of the Russian architecture at that time and were rooted in the gradual spread of Baroque through the architecture of stone churches in provincial towns. These influences were also of a local nature, while the general trend in the development of northern church building still showed conservatism and consistency.

The decisive influence on the fate of wooden church architecture in Russia was exerted not by Peter the Great, but by Paul I, who issued a decree on December 25, 1800, prohibiting the construction of wooden parish churches. Thus, it was his ban that changed the centuries-old course of development of carpentry traditions for two generations, after which, from the 1830s, under the regulations of the Nikolay I, the resumption of wooden church building followed a completely different path.

Keywords: Russian North, wooden architecture, Peter the Great, Karelia, Kizhi, Petrozavodsk, Petrine Baroque

⁸ The research was supported by the Russian Science Foundation, project Nr. 21-48-04402 “Saints and heroes from Christianization to Nationalism: Symbol, Image, Memory (Nord-West Russia, Baltic and Nordic countries)”.

References

- Bespyatyh Yu. N.; Kovalenko G. M. *Kareliia pri Petre I (Karelia in the Time of Peter the First)*. Petrozavodsk, Kareliia Publ., 1988. 142 p. (in Russian).
- Bilibin I. Ya. Remains of Art in Russian Village. *Zhurnal dlia vsekh (Magazine for All)*, 1904, no. 10, pp. 608–618 (in Russian).
- Bode A. B. Wooden Churches in the Velsk Region. *Dereviannoe zochestvo. Vyp. 3: Novye materialy i otkrytiia (Wooden Architecture. Issue 3. New Materials and Discoveries)*. Moscow; St. Petersburg, Kolo Publ., 2013, pp. 239–259 (in Russian).
- Izvestiia Imperatorskoi arkhelogicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*, no. 57. St. Petersburg, Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov Publ., 1915. 198 p. (in Russian).
- Kapusta L. I. *Pervyi rossiiskii kurort Martsial'nye Vody (The First Russian Resort Martsial'nye Vody)*. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2019. 127 p. (in Russian).
- Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo (The History of the Russian State)*. Book 2: Vol. 5–8. St. Petersburg, Izdanie I. Einerlinga Publ., 1842. (in Russian).
- Krasavtsev N. I.; Sirovsky I. A. *Ocherki po metallurgii chuguna (Essays on the Metallurgy of Cast Iron)*. Moscow, Metallurgizdat Publ., 1947. 492 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Novgorodskie letopisi (Complete Collection of Russian Chronicles. Novgorodian Chronicles)*. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1879. 113 p. (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection 1)*, vol. 26. St. Petersburg, Tipografiia 2 Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii Publ., 1830. 879 p. (in Russian).
- Solov'ev S. M. *Sochineniia (Essays in eighteen books)*, vol. 8. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 639 p. (in Russian).
- Staritsyn A. N. An Unique Source on the History of Parishes of Kargopol' District. *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2011, iss. 3–4, pp. 261–308 (in Russian).
- Suslov V. V. *Istoricheskii obzor drevnego derevianogo dela na Rusi. Materialy dlia istorii russkogo iskusstva (A Historical Overview of the Old Wooden Crafts in Russia)*. Shakhanova A.; Khodakovskiy E. V. (comp.). St. Petersburg, Nauchno-issledovatel'skii muzei pri Rossiiskoi Akademii Khudozhestv Publ., 2021. 352 p. (in Russian).
- Veryuzhskiy V. M. *Afanasii, arkhiepiskop Kholmogorskii: Ego zhizn' i trudy v sviazi s istoriei Kholmogorskoi eparhii za pervye 20 let ee sushchestvovaniia i voobshche russkoi tserkvi v kontse XVII v. (Athanasius, Archbishop of Kholmogory: His Life and Works in Connection with the History of Kholmogory Diocese for the First 20 years of Its Existence and Russian Church at the End of the 17th Century)*. St. Petersburg, Tip. I. V. Leont'eva Publ., 1908. 683 p. (in Russian).